

“РАЗРЫВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УСПЕВАЕМОСТИ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ УЗБЕКИСТАНА: ИЕРАРХИЯ ФАКТОРОВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ PISA И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ”

Рамазанов Шохрух Шохназарович

Студент Московский финансово-юридический университет

Аннотация

В данной статье системно анализируются факторы, формирующие разрыв в образовательной успеваемости детей из семей Узбекистана, вовлеченных во внешнюю трудовую миграцию. Исследование опирается на результаты PISA-2022, эмпирические работы по обучению детей мигрантов в России и национальные исследования проблем детей, оставшихся без попечения родителей, в Узбекистане. Анализ показывает, что дети узбекских мигрантов оказываются в ситуации тройной уязвимости: во-первых, они сталкиваются с языковым барьером и институциональной дискриминацией в принимающих странах; во-вторых, испытывают психологические последствия разлуки с родителями; в-третьих, сталкиваются с трудностями реинтеграции в образовательную систему по возвращении домой. В статье устанавливается иерархия этих факторов и разрабатываются политические рекомендации.

Ключевые слова

Узбекистан, трудовая миграция, образование детей мигрантов, PISA, разрыв в успеваемости, дети, оставшиеся без попечения родителей, языковой барьер, реинтеграция.

Abstract

This article systematically analyzes the factors shaping the gap in educational performance of children from Uzbekistan's families engaged in external labor migration. The study draws on PISA 2022 results, empirical research on migrant children's education in Russia, and national studies on the problems of left-behind children in Uzbekistan. The analysis reveals that Uzbek migrant children find themselves in a situation of triple vulnerability: first, they face language barriers and institutional discrimination in host countries; second, they suffer the psychological consequences of parental separation; and third, they encounter reintegration difficulties into the education system upon returning home. The article establishes a hierarchical order of these factors and develops policy recommendations.

Keywords

Uzbekistan, labor migration, migrant children's education, PISA, achievement gap, left-behind children, language barrier, reintegration

Введение

За последние двадцать лет Узбекистан стал крупнейшим поставщиком трудовых мигрантов в Центральной Азии. По данным Международной организации по миграции (МОМ), ежегодно более 2 миллионов граждан Узбекистана участвуют во внешней трудовой миграции, основными направлениями которой являются Россия, Казахстан, Турция, Южная Корея и ОАЭ. По состоянию на январь 2025 года число граждан Узбекистана, работающих за рубежом, превысило 1,3 миллиона человек.

Если экономическая выгода этого масштабного миграционного потока — денежные переводы — широко признана, то его социальные издержки, в частности влияние на доступность и качество образования для детей мигрантов, остаются недостаточно изученными. Данная статья призвана восполнить этот пробел, анализируя образовательные барьеры, с которыми сталкиваются дети из семей узбекских мигрантов, в трех основных контекстах:

1. Дети, переехавшие с родителями в принимающую страну (в контексте России, Казахстана и Кореи).
2. Дети, чьи родители работают за границей, а сами они остаются в Узбекистане («дети, оставленные без попечения родителей»).
3. Дети, которые жили с родителями за границей, а затем вернулись в Узбекистан, проходя реинтеграцию в местную систему образования.

1. Общий контекст системы образования Узбекистана: показатели PISA-2022

Узбекистан впервые принял участие в международной оценке PISA в 2022 году.

Результаты выявили серьезные проблемы:

- По математике только 19% учащихся достигли уровня 2 (минимального уровня владения) или выше, что значительно ниже среднего показателя по ОЭСР (69%).
- По чтению минимального уровня достигли 14% учащихся (средний показатель по ОЭСР: 74%).
- Практически ни один учащийся в Узбекистане не достиг высоких баллов (уровень 5 или 6; средний показатель по ОЭСР: 9%).
- Только 67% учащихся посещали дошкольное образование в течение одного года или более, что значительно ниже среднего показателя по ОЭСР (94%).

Более того, Узбекистан не использовал англоязычные тесты PISA — тестовые задания предлагались только на узбекском, русском и каракалпакском языках, что указывает на ограничения, связанные с языковой проблемой в стране.

Эти цифры означают, что общее качество образования в Узбекистане серьезно

отстает от международных стандартов. Дети из семей мигрантов сталкиваются с дополнительными препятствиями поверх этого слабого фундамента.

2. Ключевые барьеры в образовании детей узбекских мигрантов: многослойный анализ

Образовательные вызовы, с которыми сталкиваются дети из семей узбекских мигрантов, необходимо рассматривать в трех основных контекстах. В каждом контексте иерархия факторов принимает различную форму.

2.1. Дети мигрантов в принимающей стране: пример России

Российская Федерация остается крупнейшим направлением для трудовых мигрантов из Узбекистана. В российской системе образования насчитывается более 209 500 детей мигрантов, из которых 168 500 обучаются в школах. Основные районы концентрации — Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Свердловская область. Узбекские дети составляют значительную часть этого контингента.

2.1.1. Языковой барьер: наиболее сильное первичное препятствие

Согласно закону, подписанному президентом России в декабре 2024 года, дети мигрантов, не владеющие русским языком, не принимаются в школы. С 1 апреля 2025 года для всех детей мигрантов введено обязательное тестирование по русскому языку. Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин отметил, что, по статистическим данным, 41% иностранных детей испытывают трудности с русским языком. Согласно исследованию Института социального анализа и прогнозирования при Минобрнауки России, 53% учителей назвали недостаточное владение русским языком детьми мигрантов и связанные с этим трудности в освоении школьных предметов главной проблемой.

2.1.2. Феномен «мигрантских школ»

Начиная с 2010-х годов в сибирских городах, таких как Томск и Иркутск, сформировался феномен «мигрантских школ» и «мигрантских классов». Интервью, проведенные со 120 мигрантами, и кейс-стади четырех школ показывают, что местное население выстраивает символические границы вокруг школ с высокой концентрацией детей мигрантов. Это ведет к школьной сегрегации: местные семьи забирают своих детей из таких школ, превращая их, по сути, в этнические гетто.

2.1.3. Социально-экономический статус (СЭС): «российский феномен»

Важное эмпирическое исследование, проведенное в России (Tovar García, 2017) на основе панельных данных по школьникам в возрасте от 6 до 14 лет за 2010–2013 годы, показало, что миграционное происхождение не оказывает независимого влияния на образовательные результаты после контроля таких факторов, как социально-экономический статус, здоровье ребенка, тип школы и место жительства. Иными словами, разрыв между учащимися-мигрантами и местными учащимися в России объясняется в основном социально-экономическими факторами — ситуация, отличающаяся от большинства западных стран.

Однако этот вывод следует интерпретировать с осторожностью. Исследование охватывало период 2010–2013 годов и не отражает влияния политических изменений после 2022 года (военные действия, санкции, ужесточение языкового законодательства).

2.1.4. Оценки родительского сообщества: барьеры адаптации

В исследовании, опубликованном в 2025 году (Юдина Т.Н.), изучались оценки родителей-мигрантов образовательной адаптации их детей. Среди основных выделенных препятствий — социокультурные барьеры, нехватка институциональной поддержки и недостаточное владение русским языком самими родителями, препятствующее общению со школой.

Иерархия факторов (контекст России):

1. Языковой барьер (наиболее сильный фактор — теперь юридическое препятствие)
2. Социально-экономический статус (при учете СЭС независимый эффект миграционного происхождения исчезает)
3. Школьная сегрегация («мигрантские школы» и символические границы)
4. Языковой и культурный капитал семьи (недостаточное знание языка родителями ограничивает контакт со школой)
5. Институциональная дискриминация (тестирование и языковое законодательство)

2.2. Дети, оставшиеся в Узбекистане, пока родители за границей («оставленные дети»)

Значительная часть узбекских мигрантов оставляет своих детей на родине. Проблемы этих детей требуют особого внимания.

2.2.1. Утрата эмоционального капитала и образовательная уязвимость

Согласно исследованию 2026 года, эмоциональная разобщенность, возникающая в результате родительской миграции, взаимодействует с формальными и неформальными системами социальной поддержки, формируя образовательные результаты детей. Эмоциональная депривация, тревожность и депрессия особенно выражены среди подростков.

2.2.2. Различия между городом и селом

Сравнительное исследование, проведенное в 2025 году Институтом семьи и гендерных исследований, показывает, что отсутствие родителей имеет еще более тяжелые по

следствия в сельской местности. Поскольку в сельских условиях системы социальной поддержки ограничены, эти дети не только сталкиваются с академическими трудностями, но и испытывают изменения в ролях по уходу (например, старший ребенок вынужден присматривать за младшими братьями и сестрами).

2.2.3. Психологические проблемы и снижение мотивации к учебе

Исследование Эшонжонова (2025) классифицирует образовательные проблемы детей, чьи родители находятся в трудовой миграции, следующим образом:

- Депривация родительской любви и воспитания;
- Психологические трудности (тревожность, чувство покинутости);
- Перебои в материальной поддержке (нерегулярность денежных переводов);
- Потеря мотивации к учебе;
- Ослабление контроля при уходе со стороны старшего поколения (бабушек и дедушек).

2.2.4. Кризис идентичности и трудности социализации

Исследование Рустамовой (2025) отмечает, что подростки, чьи родители находятся в миграции, переживают кризис идентичности и серьезные трудности в социализации. Эти дети часто остаются в состоянии «свободы без руководства», с трудом интегрируясь в школьное сообщество. В некоторых случаях девочек выдают замуж сразу после окончания школы — практика, особенно распространенная в сельской местности.

Иерархия факторов (дети, оставшиеся в Узбекистане):

1. Отсутствие родителей и эмоциональная депривация (наиболее сильный фактор)
2. Снижение семейного надзора и качества ухода (ограниченность воспитания бабушками/дедушками)
3. Нестабильность материальной поддержки (зависимость от денежных переводов)
4. Снижение мотивации к учебе (размывание долгосрочных целей)
5. Ограниченная доступность психологических услуг
6. Гендерное неравенство (ранние браки девочек)

2.3. Дети мигрантов, возвращающиеся на родину: проблема реинтеграции

Третья группа — дети, которые несколько лет жили с родителями за границей, а затем вернулись в Узбекистан, — является наименее изученной, но самой сложной.

Основные

барьеры:

- Различия в учебных программах: дети, обучавшиеся в российских или казахстанских школах, не могут легко адаптироваться к образовательным стандартам Узбекистана. Различия в программах, системах оценивания и предметном содержании представляют собой серьезные вызовы.
- Смена языка: ребенок, получавший образование на русском языке в России, по возвращении в Узбекистан с трудом переключается на учебники на узбекском языке (или на латинице).
- Культурная адаптация: «Обратный культурный шок» — ребенок оказывается между двумя средами, считаясь «узбеком» там и «русским» здесь.
- Проблемы с документами: признание полученных за рубежом документов об образовании и процесс распределения по классам сопряжены с бюрократическими препятствиями.

Отсутствие специальных адаптационных программ для мигрантской молодежи в дошкольном и школьном образовании, ограниченность психологических служб и отсутствие индивидуального подхода еще больше усугубляют трудности для этой группы.

Иерархия факторов (вернувшиеся дети):

1. Смена языка и алфавита (проблема латиница / русская кириллица)
2. Различие в образовательных стандартах
3. Трудности культурной адаптации

4. Отсутствие адаптационных программ
 5. Бюрократические препятствия (признание документов)

3. Сравнительный анализ и общая иерархия факторов

При сравнении трех контекстов факторы, формирующие разрыв в успеваемости детей узбекских мигрантов, можно представить в виде следующей общей иерархии:

Ранг	Фактор	Основной контекст
1	Языковой барьер	Принимающие страны; для вернувшихся детей — смена алфавита
2	Физическое отсутствие родителей и эмоциональная депривация	Дети, оставшиеся в Узбекистане
3	Социально-экономический статус (СЭС)	Все контексты
4	Школьная сегрегация и «мигрантские школы»	Принимающие страны
5	Различия в образовательных стандартах и барьеры реинтеграции	Вернувшиеся дети
6	Отсутствие адаптационных программ и психологических служб	Все контексты
7	Гендерный фактор	Сильнее выражен для девочек, оставшихся в Узбекистане

Международное сравнение

Согласно результатам PISA-2022, в странах ОЭСР учащиеся без миграционного фона набрали в среднем на 29 баллов больше по математике, чем учащиеся-иммигранты. Этот разрыв значительно сокращается, если учесть социально-экономический статус и язык, используемый дома. Однако применение глобальных анализов PISA к случаю Узбекистана ограничено — поскольку доля учащихся-иммигрантов в узбекистанской выборке PISA отдельно не фиксируется.

Важно отметить, что исследования в России показывают: разница в успеваемости между детьми мигрантов и местными детьми становится статистически незначимой после контроля СЭС — вывод, который принципиально отличается от ситуации в западноевропейских странах. Это может объясняться спецификой постсоветского образовательного пространства, опытом работы учителей с полиэтническими классами и другими институциональными факторами.

4. Обсуждение: Модель тройной уязвимости

Для объяснения разрыва в успеваемости, затрагивающего детей узбекских мигрантов,

мы предлагаем модель «тройной уязвимости»:

1. Первый слой — уязвимость на родине: Сама система образования Узбекистана слаба по показателям PISA. Низкий охват дошкольным образованием, недостаточная квалификация учителей и нехватка ресурсов создают хрупкую основу для всех детей, особенно для детей из семей мигрантов.
2. Второй слой — уязвимость, связанная с миграцией: Языковой барьер, школьная сегрегация, разлука с родителями, эмоциональная депривация, изменения в структуре семьи и зависимость от денежных переводов — все это прямые или косвенные последствия миграционного процесса.
3. Третий слой — уязвимость в принимающей среде: Ужесточение языкового законодательства в принимающих странах (например, обязательное тестирование по русскому языку в России с 2025 года), феномен «мигрантской школы», институциональная дискриминация и ограниченная социальная поддержка.

Эти три слоя создают взаимоусиливающий мультипликативный эффект. Например, сельский ребенок, не посещавший детский сад в Узбекистане, чей родитель работает в России и который оставлен на попечение бабушки, сталкивается со всеми тремя слоями уязвимости одновременно: школа низкого качества, отсутствие родителей и, по возвращении, проблемы с языком/реинтеграцией.

5. Выводы и политические рекомендации

Разрыв в образовательной успеваемости детей из семей узбекских мигрантов представляет собой сложную, многослойную проблему, и ее решение требует комплексной политики по следующим направлениям:

5.1. Предвыездная подготовка

- Организовать бесплатные языковые курсы (русский, английский, корейский) для детей трудовых мигрантов до их отъезда, ориентированные на язык принимающей страны.
- Информировать родителей об образовательных правах их детей и школьной системе принимающей страны.

5.2. Для детей, оставшихся в Узбекистане

- Расширить психологические службы: обеспечить, чтобы в каждой школе был психолог, работающий с детьми из семей мигрантов.

- Программы поддержки для бабушек, дедушек и опекунов: обучение навыкам воспитания.
- Система мониторинга: в сотрудничестве между махаллей и школой регулярно отслеживать участие в образовательном процессе и успеваемость детей из семей мигрантов.

5.3. Программы реинтеграции для вернувшихся детей

- Языковые мосты: специальные подготовительные курсы для перехода с русского на узбекский (или с кириллицы на латиницу).
- Восполнение образовательных пробелов: выявить различия между узбекскими и российскими/казахстанскими образовательными стандартами и разработать адаптированные учебные планы для их устранения.
- Программы культурной адаптации: специальные интеграционные классы для вернувшихся детей.

5.4. Сотрудничество с принимающими странами

- Поддерживать образование детей мигрантов через двусторонние соглашения с Россией, Казахстаном, Турцией и Южной Кореей.
- Организовать программы дополнительного образования на узбекском языке в принимающих странах (диаспоральные школы).

5.5. Исследования и база данных

- Создать национальную базу данных о детях из семей мигрантов в сотрудничестве между Агентством статистики Узбекистана и МОМ.
- Рассмотреть возможность включения отдельной подвыборки учащихся-мигрантов в исследование PISA-2025.

Проблема образования детей из семей узбекских мигрантов находится на стыке не только образовательной политики, но и миграционной политики, социальной защиты и экономического развития. Ее решение требует межведомственного и межгосударственного сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. OECD (2023). PISA 2022 Results (Volume I and II) – Country Notes: Uzbekistan. Paris: OECD Publishing.
2. OECD (2023). PISA 2022 Results (Volume I): Immigrant background and student

- performance. Paris: OECD Publishing.
3. Tovar García, E. D. (2017). Migration Background and Educational Achievements in Russia. *Migraciones Internacionales*, 9(1), 69–93.
4. Юдина, Т. Н. (2025). Адаптация детей мигрантов в оценках родительского сообщества: социокультурные барьеры и потребность в поддержке. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*, 1(14), 433–445.
5. Eshonjonov, B. Z. (2025). Educational Problems of Children Whose Parents Have Left for Labor Migration. *Next Scientists Conferences*, 1(01), 183–185.
6. Rustamova, D. D. (2025). Problems of Socialization and Psychological Adaptation of Adolescents with Migrant Parents. *Ilm-fan iftixori*, 1(01).
7. Ibrogimova, F. I. (2025). The Influence of Labor Migration on Family Structures and Child Development: A Comparative Study between Urban and Rural Uzbekistan. *Next Scientists Conferences*, 1(01), 11–15.
8. Emotional Capital Loss and Educational Vulnerability in Transnational Families (2026). SJII.
9. Gazeta.uz (2025, 24 января). Агентство по миграции: Число узбекистанцев, работающих за рубежом, превышает 1,3 миллиона.
10. Sputnik Узбекистан (2024, 28 декабря). Путин подписал закон о запрете приема в школы детей мигрантов, не знающих русский язык.
11. Ethnicity in Schools: Perceptions of Migrant Children from Central Asia in the Multicultural Environment of Russian Cities (2022). *Nationalities Papers*, Cambridge Core.